

БОЛЬШАЯ
КНИГА

СТИХОВ,
АФОРИЗМОВ
И ПРИТЧ

всех времен и народов

**Сборник афоризмов
Большая книга стихов,
афоризмов и притч
Серия «Подарочная книга на века»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27609510

*Большая книга стихов, афоризмов и притч: Издательство АСТ; М.;
2017*

ISBN 978-5-17-103874-8

Аннотация

Перед вами сборник великих писателей, философов, ученых, поэтов – таких как Ильф и Петров, Максим Горький, Алишер Навои, Иван Тургенев, Иоганн Вольфганг фон Гёте, Ганс Христиан Андерсен и многие другие. Данные притчи, рассказы, цитаты и изречения авторов воспитывают уверенность в себе, поддерживают в трудную минуту, отвлекают от неприятностей, заставляют думать и рассуждать.

Содержание

Илья Ильф и Евгений Петров	6
Притча о гусаре-схимнике	6
Притча об Адаме и Еве	13
Притча о Вечном Жиде	15
Максим Горький	18
Владыка Самарканда	18
Наказание Тамерлана	21
Алишер Навои	24
Смятение праведных	24
О Низами и о Хосрове Дехлави	24
Об Абдуррахмане Джамии[7]	28
Иван Тургенев	36
Восточная легенда	36
Два четверостишья	39
Дурак	43
Проклятие	45
Воробей	46
Последнее свидание	48
Цитаты	50
Лев Толстой	53
Апостол Иоанн и разбойник	53
Бродяжка непутевый	58
Как чертенок краюшку выкупал	64

Карма	69
Кающийся грешник	83
Потерянная жемчужина	87
Равное наследство	88
Разрушение ада и восстановление его	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Коллектив авторов
Большая книга стихов,
афоризмов и притч

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Илья Ильф и Евгений Петров

Притча о гусаре-схимнике

Блестящий гусар, граф Алексей Буланов, был действительно героем аристократического Петербурга. Имя великолепного кавалериста и кутилы не сходило с уст чопорных обитателей дворцов по Английской набережной и со столбцов светской хроники. Очень часто на страницах иллюстрированных журналов появлялся фотографический портрет красавца гусара – куртка, расшитая бранденбурами и отороченная зернистым каракулем, высокие прилизанные височки и короткий победительный нос.

За графом Булановым катилась слава участника многих тайных дуэлей, имевших роковой исход, явных романов с наикрасивейшими, неприступнейшими дамами света, сумасшедших выходов против уважаемых в обществе особ и почувствованных кутежей, неизбежно кончавшихся избиением штафирок.

Граф был красив, молод, богат, счастлив в любви, счастлив в картах и в наследовании имущества. Родственники его умирали быстро, и наследства их увеличивали и без того огромное богатство.

Он был дерзок и смел. Он помогал абиссинскому негусу

Менелику в его войне с итальянцами. Он сидел под большими абиссинскими звездами, закутавшись в белый бурнус, и глядел в трехверстную карту местности. Свет факелов бросал шатающиеся тени на прилизанные височки графа. У ног его сидел новый друг, абиссинский мальчик Васька. Разгромив войска итальянского короля, граф вернулся в Петербург вместе с абиссинцем Васькой.

Петербург встретил героя цветами и шампанским. Граф Алексей снова погрузился в беспечную пучину наслаждений.

О нем продолжали говорить с удвоенным восхищением, женщины тревились из-за него, мужчины завидовали.

На запятках графской кареты, пролетавшей по Миллионной, неизменно стоял абиссинец, вызывая своей чернотой и тонким станом изумление прохожих.

И внезапно все кончилось. Граф Алексей Буланов исчез.

Княгиня Белорусско-Балтийская, последняя пассия графа, была безутешна.

Таинственное исчезновение графа наделало много шума. Газеты были полны догадками.

Сыщики сбились с ног. Но все было тщетно. Следы графа не находились.

Когда шум уже затихал, из Аверкиевой пустыни пришло письмо, все объяснившее. Блестящий граф, герой аристократического Петербурга, Валтасар XIX века – принял схиму. Передавали ужасающие подробности. Говорили, что

граф-монах носит вериги в несколько пудов, что он, привыкший к тонкой французской кухне, питается теперь только картофельной шелухой. Поднялся вихрь предположений. Говорили, что графу было видение умершей матери. Женщины плакали. У подъезда княгини Белорусско-Балтийской стояли вереницы карет. Княгиня с мужем принимали соборезнования. Рождались новые слухи.

Ждали графа назад. Говорили, что это временное помешательство на религиозной почве. Утверждали, что граф бежал от долгов. Передавали, что виною всему несчастный роман.

А на самом деле гусар пошел в монахи, чтобы постичь жизнь. Назад он не вернулся. Мало-помалу о нем забыли.

Княгиня Балтийская познакомилась с итальянским певцом, а абиссинец Васька уехал на родину.

В обители граф Алексей Буланов, принявший имя Евпла, изнурял себя великими подвигами. Он действительно носил вериги, но ему показалось, что этого недостаточно для познания жизни. Тогда он изобрел себе особую монашескую форму: клобук с отвесным козырьком, закрывающим все лицо, и рясу, связывающую движения.

С благословения игумена он стал носить эту форму. Но и этого показалось ему мало. Обуянный гордыней смирения, он удалился в лесную землянку и стал жить в дубовом гробу.

Подвиг схимника Евпла наполнил удивлением обитель.

Он ел только сухари, запас которых ему возобновляли раз

в три месяца. Так прошло двадцать лет. Евпл считал свою жизнь мудрой, правильной и единственно верной. Жить ему стало необыкновенно легко, и мысли его были хрустальными.

Он постиг жизнь и понял, что иначе жить нельзя.

Однажды он с удивлением заметил, что на том месте, где он в продолжение двадцати лет привык находить сухари, ничего не было. Он не ел четыре дня. На пятый день пришел неизвестный ему старик в лаптях и сказал, что мужики сожгли помещика, а монахов выселили большевики и устроили в обители совхоз. Оставив сухари, старик, плача, ушел. Схимник не понял старика.

Светлый и тихий, он лежал в гробу и радовался познанию жизни.

Старик-крестьянин продолжал носить сухари.

Так прошло еще несколько никем не потревоженных лет. Однажды только дверь землянки растворилась, и несколько человек, согнувшись, вошли в нее. Они подошли к гробу и принялись молча рассматривать старца. Это были рослые люди в сапогах со шпорами, в огромных галифе и с маузерами в деревянных полированных ящиках.

Старец лежал в гробу, вытянув руки, и смотрел на пришельцев лучезарным взглядом. Длинная и легкая серая борода закрывала половину гроба.

Незнакомцы зазвенели шпорами, пожалы плечами и удалились, бережно прикрыв за собою дверь.

Время шло. Жизнь раскрылась перед схимником во всей своей полноте и сладости. В ночь, наступившую за тем днем, когда схимник окончательно понял, что все в его познании светло, он неожиданно проснулся. Это его удивило. Он никогда не просыпался ночью. Размышляя о том, что его разбудило, он снова заснул и сейчас же опять проснулся, чувствуя сильное жжение в спине. Постигая причину этого жжения, он старался заснуть, но не мог. Что то мешало ему. Он не спал до утра. В следующую ночь его снова кто-то разбудил. Он проворочался до утра, тихо стелая и, незаметно для самого себя, почесывая руки. Днем, поднявшись, он случайно заглянул в гроб. Тогда он понял все. По углам его мрачной постели быстро перебежали вишневого цвета клопы. Схимнику сделалось противно.

В этот же день пришел старик с сухарями. И вот подвижник, молчавший двадцать лет, заговорил. Он попросил принести ему немножко керосину.

Услышав речь великого молчальника, крестьянин опешил. Однако, стыдясь почему-то и пряча бутылочку, он принес керосин.

Как только старик ушел, отшельник дрожащей рукой смазал все швы и пазы гроба. Впервые за три дня Евпл заснул спокойно. Его ничто не потревожило.

Смазывал он керосином гроб и в следующие дни. Но через два месяца понял, что керосином вывести клопов нельзя. По ночам он быстро переворачивался и громко молился, но

молитвы помогали еще меньше керосина. Прошло полгода в невыразимых мучениях, прежде чем отшельник обратился к старику снова.

Вторая просьба еще больше поразила старика. Схимник просил привезти ему из города порошок «Арагац» против клопов. Но и «Арагац» не помог.

Клопы размножались необыкновенно быстро и кусали немилосердно.

Могучее здоровье схимника, которое не могло сломить двадцатипятилетнее постничество, – заметно ухудшалось. Началась темная отчаянная жизнь. Гроб стал казаться схимнику Евплу омерзительным и неудобным.

Ночью, по совету крестьянина, он лучиною жег клопов.

Клопы умирали, но не сдавались.

Было испробовано последнее средство – продукты бр.

Глик – розовая жидкость с запахом отравленного персика под названием «Клопин». Но и это не помогло. Положение ухудшалось. Через два года от начала великой борьбы отшельник случайно заметил, что совершенно перестал думать о смысле жизни, потому что круглые сутки занимался травлей клопов. Тогда он понял, что ошибся. Жизнь так же, как и двадцать пять лет тому назад, была темна и загадочна.

Уйти от мирской тревоги не удалось. Жить телом на земле, а душою на небесах оказалось невозможным.

Тогда старец встал и проворно вышел из землянки.

Он стоял среди темного зеленого леса. Была ранняя сухая

осень. У самой землянки выперлось из-под земли целое семейство белых грибов толстобрюшек. Неведомая птаха сидела на ветке и пела solo. Послышался шум проходящего поезда. Земля задрожала. Жизнь была прекрасна. Старец, не оглядываясь, пошел вперед.

Сейчас он служит кучером конной базы Московского коммунального хозяйства.

Притча об Адаме и Еве

Был, господа, в Москве молодой человек, комсомолец. Звали его – Адам. И была в том же городе молодая девушка, комсомолка Ева. И вот эти молодые люди отправились однажды погулять в московский рай – в Парк культуры и отдыха. Не знаю, о чем они там беседовали. У нас обычно молодые люди беседуют о любви. Но ваши Адам и Ева были марксисты и, возможно, говорили о мировой революции. Во всяком случае, вышло так, что, прогуливаясь по бывшему Нескучному саду, они присели на траву под деревом, Не знаю, какое это было дерево. Может быть, это было древо познания добра и зла. Но марксисты, как вам известно, не любят мистики. Им, по всей вероятности, показалось, что это простая рябина. Продолжая беседовать, Ева сорвала с дерева ветку и подарила ее Адаму. Но тут показался человек, которого лишенные воображения молодые марксисты приняли за садового сторожа. А между тем это был, по всей вероятности, ангел с огненным мечом, ругаясь и ворча, ангел повел Адама и Еву в контору на предмет составления протокола за повреждения, нанесенные садовому хозяйству. Это ничтожное бытовое происшествие отвлекло молодых людей от высокой политики, и Адам увидел, что перед ним стоит нежная Ева, а Ева заметила, что перед ней стоит мужественный Адам. И молодые люди по-

любили друг друга. Через три года у них было уже два сына. Одного сына зовут Каин, а другого – Авель, и через известный срок Каин убьет Авеля, Авраам родит Исаака, Исаак родит Иакова, и вообще вся библейская история начнется сначала, и никакой марксизм этому помешать не сможет. Все повторяется. Будет и потоп, будет и Ной с тремя сыновьями, и Хам обидит Ноя, будет и Вавилонская башня, которая никогда не достроится, господа. И так далее. Ничего нового на свете не произойдет. Так что вы напрасно кипятились насчет новой жизни.

Притча о Вечном Жиде

Не буду напоминать вам длинной и скучной истории Вечного еврея. Скажу только, что около двух тысяч лет этот пошлый старик шатался по всему миру, не прописываясь в гостиницах и надоедая гражданам своими жалобами на высокие железнодорожные тарифы, из-за которых ему приходилось ходить пешком. Его видели множество раз. Он присутствовал на историческом заседании, где Колумбу так и не удалось отчитаться в авансовых суммах, взятых на открытие Америки. Еще совсем молодым человеком он видел пожар Рима. Лет полтораста он прожил в Индии, необыкновенно поражая йогов своей живучестью и сварливым характером. Одним словом, старик мог бы порассказать много интересного, если бы к концу каждого столетия писал мемуары. Но Вечный Жид был неграмотен и к тому же имел дырявую память.

Не так давно старик проживал в прекрасном городе Рио-де-Жанейро, пил прохладительные напитки, глядел на океанские пароходы и разгуливал под пальмами в белых штанах. Штаны эти он купил по случаю восемьсот лет назад в Палестине у какого-то рыцаря, отвоевавшего гроб господень, и они были еще совсем как новые. И вдруг старик забеспокоился. Захотелось ему в Россию, на Днепр, Он бывал везде: и на Рейне, и на Ганге, и на Миссисипи, и на Ян цзы, и на

Нигере, и на Волге. И не был он только на Днепре. Захотелось ему, видите ли, бросить взгляд и на эту широкую реку.

Аккурат в 1919 году Вечный Жид в своих рыцарских брюках нелегально перешел румынскую границу. Стоит ли говорить о том, что на животе у него хранились восемь пар шелковых чулок и флакон парижских духов, которые одна кишиневская дама просила передать киевским родственникам. В то бурное время ношение контрабанды на животе называлось «носить в припарку». Этому делу старика живо обучили в Кишиневе. Когда Вечный Жид, выполнив поручение, стоял на берегу Днепра, свесив неопрятную зеленую бороду, к нему подошел человек с желто-голубыми лампасами и петлюровскими погонями и строго спросил:

– Жид?

– Жид, – ответил старик.

– Ну, пойдем, – пригласил человек с лампасами.

И повел его к куренному атаману.

– Жида поймали, – доложил он, подталкивая старика коленом.

– Жид? – спросил атаман с веселым удивлением.

– Жид, – ответил скиталец.

– А вот поставьте его к стенке, – ласково сказал куренной.

– Но ведь я же Вечный! – закричал старик. Две тысячи лет он нетерпеливо ждал смерти, а сейчас вдруг ему очень захотелось жить.

– Молчи, жидовская морда! – радостно закричал губатый

атаман. – Рубай его, хлопцы-молодцы!

И Вечного странника не стало.

Максим Горький

Владыка Самарканда

Нет человека, который не хотел бы владеть Самаркандом!

Шир-Али, кривой нищий, тоже мечтал об этом, особенно по ночам, когда тихий степной ветер пахнет травами, опьяняя, возбуждая безумные мечты. Но и днем нищий нередко говорил беднякам, друзьям своим:

– Ах, если бы я был владыкой Самарканда!..

Весь город узнал мечту Шир-Али, и люди, смеясь при встрече с ним, говорили друг другу:

– Вот этот, одноглазый, тоже хочет владеть Самаркандом!

Узнал о мечтах нищего сам Великий Хромой, Тимур-хан, узнал и удивился жестоко.

– Несправедливо это, – сказал он, – несправедливо, если мечта героя доступна сердцу ничтожного нищего!

И запомнил он в глубоком сердце своем имя Шир-Али.

А долго спустя, когда стены Самарканда пали под ударами железной руки Тимура и когда благая рука эта восстановила красоту города во всем великолепии его, повелел Тимурленг:

– Найдите нищего, по имени Шир-Али!

Привели одноглазого, и сказал Тимур, глядя на него глазами барса:

– Али! Известно стало мне, что небо и звезды любят тебя, и решил я: да будешь ты счастлив на земле, да исполнится мечта твоя!

И приказал:

– Омойте нищего, оденьте его и поклонитесь ему. Отныне он владыка Самарканда, как того хочет мой разум, как решило сердце мое!

Вот сидит Шир-Али на коврах, выше всех, весь в шелке и золоте, сидит, открыв рот, и одинокий глаз его не виден в радужном блеске драгоценных камней. А пред ним стоят, преклонив головы, великие мурзы, воины, мудрецы и девяносто девять тысяч удивленного народа. И сам Непобедимый стоит пред ним, прислушиваясь молча, как рыгает чисто вымытый, по горло сытый нищий.

И сказал ему Тимур-хан:

– Скажи нам что-нибудь, Шир-Али, счастливый человек, скажи нам лучшее, что ты носишь в душе твоей, знакомой со всяким горем, – в доброй душе твоей?

Подумал одноглазый и сказал:

– Добрые люди, подайте милостыню одноглазому нищему, подайте...

Долго молчали князья, воины, мудрецы, девяносто девять тысяч народа, и сам Тимур долго молчал. А потом, вздохнув, повелел:

– Повесьте эту кривую собаку на воротах города!

Есть люди, которые думают, что одноглазый нищий в по-

следний час жизни своей – только в этот час – был более
мудр, чем победитель мира.

Наказание Тамерлана

Когда он насытился славой, как Хороссан зноем солнца, он стал задумчив и немногословен, подобно мудрецу с берегов Ганга. И, созвав однажды в шатер свой величайших мудрецов земли, кратко спросил их:

– Мне нужно видеть бога, как я могу достичь его?

Разные пути указывали мудрецы Тимуру, но он жестоко молчал, отталкивая мудрых взглядом презрения.

Молодой мудрец далекой страны Средиземного моря указал Тамерлану:

– Только разумный труд приводит к познанию мудрости божьей!

– Это путь рабов, – крикнул Хромой. – Укажи мне путь владыки!

– Бог познается созерцанием, – сказал седой старик из Пешавера.

Усмехнулся Тимур.

– Созерцание – сон души и бред ее. Ступай прочь, старик!

Византиец сказал, что путь к богу лежит сквозь любовь и терния любви к людям, но Тимур не понял византийца, насмешливо возразив ему:

– Тех, которые много любят, мы называем распутными, и они заслуживают только презрение.

Так он отверг все советы мудрецов и много дней был мра-

чен, точно ворон. Но однажды, запоздав на охоте, он остался ночевать в горном ущелье, и вот, на рассвете, ворвалась в ущелье буря, осыпая его каменные бока огненными стрелами, наполнив горную щель степной пылью и тьмой.

И в громе, во тьме Тимурленг услышал спокойный Голос:
– Зачем я тебе, человек?

Понял Хромой, кто говорит с ним, но не уstraшилcя и спросил:

– Это ты создал мир, который я разрушаю?

– Зачем я тебе, человек? – повторил Голос бури.

Подумал Тимур, глядя во тьму, и сказал:

– Родились в душе моей мысли, не нужные мне, и требуют ответов. Это ты внушаешь ненужные мысли?

Не ответил Голос, или не слышен был Тимуром ответ его в злом хохоте грома среди камней.

Тогда выпрямился человек и заговорил:

– Вот, я разрушаю мир, – весь он в ужасе пред мечом моим, а я не знаю страха даже пред тобою. Тысячи тысяч людей видели меня, а я даже в сновидениях не встречался с тобою. Ты создал землю, посеял на земле неисчислимые племена, – я поливаю землю твою кровями всех племен, я истребляю лучшее твое, вся земля побелела – покрыта костями людей, уничтоженных мною. Я делаю все, что могу, ты можешь только убить меня, ничего больше ты не сделаешь мне, ничего! И вот я спрашиваю: зачем все это: я, ты и все дела наши?

Голос спокойно сказал:

– Придет час, и я накажу тебя.

Усмехнулся великий убийца.

– Смертью?

И Голос ответил:

– Страшнее смерти – пресыщением накажу я тебя!

– Что такое пресыщение? – спросил Тимур.

Но буря взлетела к вершинам гор, и никто не ответил Тамерлану.

После этого Тимурленг жил еще семьдесят семь лет, избивая тьмы людей, разрушая города, как слон муравейники. Иногда, на пирах, когда пели о подвигах его, он вспоминал ночлег в горах и Голос бури и, вспоминая, спрашивал лучших мудрецов своих:

– Что такое пресыщение?

Они говорили ему много, но ведь нельзя объяснить человеку то, чего нет в сердце его, как нельзя заставить лягушку болота понять красоту небес.

Умер великий Тимурленг, разрушитель мира, после великой битвы, и, умирая, он смотрел с жалостью в очах только на любимый меч свой.

Алишер Навои

Смятение праведных

Перевод со староузбекского В. Державина

О Низами и о Хосрове Дехлави

Он – царь поэтов – милостью творца
Жемчужина Гянджийского венца.

Он – благородства несравненный перл,
Он в море мыслей совершенный перл.

Его саманной комнаты покой
Благоухает мускусной рекой.

Подобен келье сердца бедный кров,
Но он вместил величье двух миров.

Светильник той мечети – небосвод,
Там солнце свет неистощимый льет.

Дверная ниша комнаты его —

Вход в Каабу, где дышит божество.

Сокровищами памяти велик
Хранитель тайн – учителя язык.

Хамсу пятью казнами назови,
Когда ее измерил Гянджеви.

Там было небо чашей весовой,
А гирею батманной – шар земной.

А всю казну, которой счета нет,
Не взвесить и не счесть за триста лет.

Он мысли на престоле красоты
Явил в словах, что как алмаз чисты,

Так он слова низал, что не людьми
А небом был он назван: «Низами»¹.

И «Да святится...» как о нем сказать,
Коль в нем самом и свет и благодать?

Хоть пятибуквен слова властелин,
Но по числу – он: тысяча один!²

¹ «Низами» – Имя великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви (1138/48—1209), автора первой «Хамсы», в арабском начертании состоит из пяти букв.

² Но по числу – он: тысяча один! – Сумма числовых значений букв,

От бога имя это рождено!
А свойств у бога – тысяча одно.

«Алиф» начало имени творца³,
Другие буквы – блеск его венца.

Шейх Низами – он перлами словес
Наполнил мир и сундуки небес.

Когда он блеск давал словам своим,
Слова вселенной меркли перед ним.

После него Индийский всадник был
В звенящей сбруе воин полный сил.

С его калама сыпался огонь,
Как пламя был его крылатый конь.

К каким бы ни стремился рубежам,
Шум и смятенье поселялись там.

И в крае том, где мудрый строй царил,
Он сотни душ высоких полонил.

Его с индийским я сравню царем,—

составляющих имя Низами, равно: 1001.

³ «Алиф» начало имени творца. – «Алиф» – первая буква арабского алфавита, по начертанию представляющая собой прямую черточку.

Ведь Хинд прославил он своим пером.

Все пять его волшебных повестей
Живут, как пять индийских областей.

А Шейх Гянджи собрал, как властный шах,
Казну – неистощимую в веках.

Стал от него Гянджийский край богат,
Он был не только шах, но и Фархад.

Путь прорубал он, гору бед круша...
Гора – поэзия, а речь – тиша.

Душа его, как огненная печь,
И току слез печали не истечь.

Он сходит – пир свечою озарить,
Пирующих сердца испепелить.

Когда знамена над Гянджой развил,
Он, как державу, речь объединил.

В те страны, что открыл он в мире слов,
Вослед повел полки Амир Хосров.⁴

От старого гянджийского вина

⁴ *Вослед повел полки Эмир (Амир) Хосров.* – Хосров Дехлави (1253–1325) – великий представитель персоязычной литературы в Индии.

Душа делийца навсегда пьяна.

Где б Низами шатер ни разбивал,
Потом делиец там же пировал.
С «Сокровищницей тайн» гянджиец был,⁵
Делиец – с «Восхождением светил».⁶

Гянджиец новым нас пленил стихом,
Делиец следовал ему во всем.

Все, что потом им подражать пошли,
К ограде сада мусор принесли.

Единственный лишь равен тем двоим,
Который, как они, – неповторим.

Об Абдуррахмане Джами⁷

Он, как звезда Полярная в пути,

⁵ С «Сокровищницей тайн» гянджиец был. – Имеется в виду название первой поэмы «Хамсы» Низами Гянджеви.

⁶ Делиец – с «Восхождением светил». – «Восхождение светил» – название первой поэмы «Хамсы» Хосрова Дехлави.

⁷ Об Абдуррахмане Джами. – Знаменитый таджикско-персидский поэт Абдуррахман Джами (1414–1492) – автор семи больших поэм, объединенных под общим названием «Большая медведица», и ряда других известных произведений. Учитель, друг и наставник Алишера Навои.

К познанию призван избранных вести.

Он клады перлов истины открыл,
В зеркале сердца тайну отразил.

С семи небес совлек он тьму завес,
Разбил шатер поверх семи небес.

Он обитает в мадрасе своей,
Вкушая мир среди истинных друзей.

Его цветник – высокий небосвод,
Он пьет из водоема вечных вод.

Как небо несказанное, высок
Его словоукрашенный чертог.

Там ангелы крылатые парят,
Чертог его от нечисти хранят.

Под сводом худжры, где живет мой пир,
Скажи – не мир блистает, а Сверхмир.

Дервишеской одеждою своей
Он затмевает блеск земных царей.

Душа его есть плоть и естество,
Хоть пышно одеяние его.

От лицемерия освобожден,
Лохмотьев странничьих не носит он.

Невидимое, скрытое от нас,
Он видит, совершая свой намаз.

Его походка – молнии полет
Летающий изумляет небосвод.

Перелистав страницы мира, он
Соткал, как облак, занавес времен.

Из крови сердца, а не из чернил
Соткал он занавес – и тайну скрыл.

В его чернильнице сгустилась тьма,
Но в ней – вода живая – свет ума.

Кто из его чернильницы возьмет
Хоть каплю, тот бессмертье обретет.

Стихом он все иклимы покорил,
А прозой новый мир сердцам открыл.

Им пленены дервиши и цари,
Ему верны дервиши и цари.

Но преданности в круге бытия
Столь твердой нет, как преданность моя!

Хоть солнцем вся земля озарена,
В нем и пылинка малая видна.

Один – среди певчих птиц в тени ветвей,
Шах соловей над розою своей.

Прочесть мне было прежде всех дано
Все, что ни
создал мудрый Мавлоно.⁸

Так солнце озарит вершины гор
Пред тем, как осветить земной простор.

Так видит роза, к свету бытия
Раскрыв бутон: шипы – ее друзья.

Мне помнится одна беседа с ним:
Был наших мыслей круг необозрим.

И вот – в потоке сокровенных слов —
Возникли Низами и Мир Хосров.

Две «Пятерицы» создали они,
Тревожащие мир и в наши дни.

По среди этих дивных десяти
Ты первых два дастана предпочти.

⁸ *Все, что ни создал мудрый Мавлоно.* – Имеются в виду произведения Джами.

Что ты в «Сокровищнице тайн» открыл,
Найдешь и в «Восхождении светил».

И остальные все дастаны их
Прекрасны; в них – глубины тайн живых.

«Сокровищница тайн»... в ней глубина,
Где вечных перлов россыпь рождена.

И отблеск «Восхождения светил»
Нам Истины завесу приоткрыл.

Коль слово жаром Истины горит,
Оно и камень в воду превратит.

Но если слово – правды лишено,
Для перлов нитью станет ли оно?

А если нить надежна и прочна,
Без жемчуга какая ей цена?

И дни прошли после беседы с ним.
И счастье стало вожаком моим.

Вновь навестил я пира моего
И вижу рукопись в руках его.

Он оказал мне честь, велел мне сесть,

Дал мне свой «Дар», как радостную весть.

Сказал: «Возьми, за трудность не сочти,
Сначала до конца мой труд прочти!»

А я – я душу сам ему принес,
Взял в руки «Дар», не отирая слез.

«Дар чистых сердцем» – тут же прочитал,⁹
Как будто чистый жемчуг подбирал.

То – третий был дастан; хоть меньше в нем
Стихов, но больше пользы мы найдем.

В нем скрыто содержанье первых двух,
Но есть в нем все, чтоб радовался дух.

И, потрясенный, сердце я раскрыл,
Его творенье в сердце поместил.

И, завершив прочтенье песни сей,
Желанье ощутил в душе своей,

Желанье вслед великим трем идти —
Хоть шага три пройти по их пути.

Решил: писали на фарси они,

⁹ «Дар чистых сердцем» – тут же прочитал. – Речь идет о первой поэме «Хамсы» Абдурахмана Джамии.

А ты на тюркском языке начни!

Хоть на фарси их подвиг был велик,
Но пусть и тюркский славится язык.

Пусть первым двум хвалой века гремят,
Но тюрки и меня благословят.

Коль сути первых двух мне свет открыт,
То будет третий мне и вождь и щит.

Когда я к цели бодро устремлюсь,
Когда с надеждой за калам возьмусь,

Я верю – мне поможет Низами,
Меня Хосров поддержит и Джами.

Тогда смелее к цели, Навои!
И пусть молчат хулители твои.

Порой бедняк, к эмиру взятый в дом,
Эмиром сам становится потом.

Ведь мускус родствен коже; а рубин
Из горных добыт каменных глубин.

Сад четырех стихий – усладный хмель;
Ограда сада – бедная скудель.

Отрадны пламя, воздух и вода,
Земля же – их основа навсегда.

Красив цветочный дорогой базар,
Но рядом есть и дровяной базар,

Пусть у тебя одежд атласных тьма,
Но ведь нужна для дома и кошма.

В цене высокой жемчуг южных вод,
Солому же один янтарь влечет.

Царь выпьет чистый сок лозы златой,
Пьянчужка рэнд потом допьет отстой.¹⁰

Я псом себя смиренным ощутил —
И вслед великим двинуться решил.

Куда б ни шли, и в степь небытия,
Везде, как тень, пойду за ними я.

Пусть в подземелье скроются глухом,
За ними я пойду – их верным псом.

¹⁰ *Пьянчужка рэнд потом допьет отстой.* – Дословно: рэнд – бродяга, бражник; иносказательно это выражение означает – воплощение мудрости.

Иван Тургенев

Восточная легенда

Кто в Багдаде не знает великого Джаффар, Солнца Вселенной?

Однажды, много лет тому назад, – он был еще юношей, – прогуливался Джаффар в окрестностях Багдада. Вдруг до слуха его долетел хриплый крик: кто-то отчаянно взывал о помощи. Джаффар отличался между своими сверстниками благородным и обдуманностью; но сердце у него было жалостливое – и он надеялся на свою силу. Он побежал на крик и увидел дряхлого старика, притиснутого к городской стене двумя разбойниками, которые его грабили. Джаффар выхватил свою саблю и напал на злодеев: одного убил, другого прогнал. Освобожденный старец пал к ногам своего избавителя и, облобызав край его одежды, воскликнул:

– Храбрый юноша, твое великодушие не останется без награды. На вид я – убогий нищий; но только на вид. Я человек не простой. Приходи завтра ранним утром на главный базар; я буду ждать тебя у фонтана – и ты убедишься в справедливости моих слов.

Джаффар подумал: «На вид человек этот нищий, точно; однако – всяко бывает. Отчего не попытаться?» – и отвечал:

– Хорошо, отец мой; приду.

Старик взглянул ему в глаза – и удалился.

На другое утро, чуть забрезжил свет, Джаффар отправился на базар. Старик уже ожидал его, облокотясь на мраморную чашу фонтана. Молча взял он Джаффара за руку и привел его в небольшой сад, со всех сторон окруженный высокими стенами. По самой середине этого сада, на зеленой лужайке, росло дерево необычайного вида. Оно походило на кипарис; только листва на нем была лазоревого цвета. Три плода – три яблока – висело на тонких, кверху загнутых ветках; одно – средней величины, продолговатое, молочно-белое; другое – большое, круглое, ярко-красное; третье – маленькое, сморщенное, желтоватое. Все дерево слабо шумело, хоть и не было ветра. Оно звенело тонко и жалобно, словно стеклянное; казалось, оно чувствовало приближение Джаффара.

– Юноша! – промолвил старец. – Сорви любой из этих плодов и знай: сорвешь и съешь белый – будешь умнее всех людей; сорвешь и съешь красный – будешь богат, как еврей Ротшильд; сорвешь и съешь желтый – будешь нравиться старым женщинам. Решайся и не мешкай! Через час и плоды завянут, и само дерево уйдет в немую глубь земли!

Джаффар понурил голову – и задумался.

– Как тут поступить? – произнес он вполголоса, как бы рассуждая сам с собою. – Сделаешься слишком умным – пожалуй, жить не захочется; сделаешься богаче всех людей –

будут все тебе завидовать; лучше же я сорву и съем третье, сморщенное яблоко!

Он так и поступил; а старец засмеялся беззубым смехом и промолвил:

– О, мудрейший юноша! Ты избрал благую часть! На что тебе белое яблоко? Ты и так умнее Соломона. Красное яблоко также тебе не нужно... И без него ты будешь богат. Только богатству твоему никто завидовать не станет.

– Поведай мне, старец, – промолвил, встрепенувшись, Джаффар, – где живет почтенная мать нашего богоспасаемого халифа?

Старик поклонился до земли – и указал юноше дорогу. Кто в Багдаде не знает Солнца Вселенной, великого, знаменитого Джаффара?

Два четверостишья

Существовал некогда город, жители которого до того страстно любили поэзию, что если проходило несколько недель и не появлялось новых прекрасных стихов, – они считали такой поэтический неурожай общественным бедствием. Они надевали тогда свои худшие одежды, посыпали пеплом головы и, собираясь толпами на площадях, проливали слезы, горько роптали на музу, покинувшую их.

В один подобный злополучный день молодой поэт Юний появился на площади, переполненной скорбевшим народом. Проворными шагами взобрался он на особенно устроенный амвон и подал знак, что желает произнести стихотворение. Ликторы тотчас замахали жезлами.

– Молчание! Внимание! – зычно возопили они, и толпа затихла, выжидая.

– Друзья! Товарищи! – начал Юний громким, но не совсем твердым голосом:

*Друзья! Товарищи! Любители стихов!
Поклонники всего, что стройно и красиво!
Да не смущает вас мгновенье грусти темной!
Придет желанный миг... и свет рассеет тьму!*

Юний умолк, а в ответ ему, со всех концов площади, поднялся гам, свист, хохот. Все обращенные к нему лица пылали

негодованием, все глаза сверкали злобой, все руки поднимались, угрожали, сжимались в кулаки!

– Чем вздумал удивить! – ревели сердитые голоса. – Долой с амвона бездарного рифмоплета! Вон дурака! Гнилыми яблоками, тухлыми яйцами шута горохового! Подайте камней! Камней сюда!

Кубарем скатился с амвона Юний. Но он еще не успел прибежать к себе домой, как до слуха его долетели раскаты восторженных рукоплесканий, хвалебных возгласов и кликов. Исполненный недоуменья, стараясь, однако, не быть замеченным (ибо опасно раздражать залютевшего зверя), возвратился Юний на площадь.

И что же он увидел?

Высоко над толпою, над ее плечами, на золотом плоском щите, облеченный пурпурной хламидой, с лавровым венком на взвившихся кудрях, стоял его соперник, молодой поэт Юлий. А народ вопил кругом:

– Слава! Слава! Слава бессмертному Юлию! Он утешил нас в нашей печали, в нашей горе великом! Он одарил нас стихами слаще меду, звучнее кимвала, душистее розы, чище небесной лазури! Несите его с торжеством, обдавайте его вдохновенную голову мягкой волной фимиама, прохлаждайте его чело мерным колебанием пальмовых ветвей, расточайте у ног его все благовония аравийских мирр! Слава!

Юний приблизился к одному из славословящих.

– Поведай мне, о мой согражданин, какими стихами

осчастливил вас Юлий? Увы, меня не было на площади, когда он произнес их! Повтори их, если ты их запомнил, сделай милость!

– Такие стихи – да не запомнить? – ретиво отвечивал вопрошенный. – За кого ж ты меня принимаешь? Слушай – и ликуй, ликуй вместе с нами! Любители стихов! – так начал божественный Юлий...

*Любители стихов! Товарищи! Друзья!
Поклонники всего, что стройно, звучно, нежно!
Да не смущает вас мгновенье скорби тяжелой!
Желанный миг придет – и день прогонит ночь!*

– Каково?

– Помилуй! – возопил Юний, – да это мои стихи! Юлий, должно быть, находился в толпе, когда я произнес их, он услышал и повторил их, едва изменив, – и уж, конечно, не к лучшему, – несколько выражений!

– Ага! Теперь я узнаю тебя! Ты Юний, – возразил, насупив брови, остановленный им гражданин. – Завистник или глупец! Сообрази только одно, несчастный: у Юлия как возвышенно сказано: «И день прогонит ночь!..» А у тебя – чепуха какая-то: «И свет рассеет тьму»?! Какой свет?! Какую тьму?!

– Да разве это не все едино? – начал было Юний.

– Прибавь еще слово, – перебил его гражданин, – я крикну народу, и он тебя растерзает!

Юний благоразумно умолк, а слышавший его разговор с

гражданином седовласый старец подошел к бедному поэту и, положив ему руку на плечо, промолвил:

– Юний! Ты сказал свое – да не вовремя; а тот не свое сказал – да вовремя. Следовательно, он прав, а тебе остаются утешения собственной твоей совести.

Но пока совесть – как могла и как умела... довольно плохо, правду сказать – утешала прижавшегося к сторонке Юния, – вдали, среди грома и плеска ликований, в золотой пыли всепобедного солнца, блистая пурпуром, темнея лавром сквозь волнистые струи обильного фимиама, с величественной медленностью, подобно царю, шествующему на царство, плавно двигалась гордо выпрямленная фигура Юлия. И длинные ветви пальм поочередно склонялись перед ним, как бы выражая своим тихим вздыманьем, своим покорным наклоном то непрестанно возобновлявшееся обожание, которое переполняло сердца очарованных им сограждан.

Дурак

Жил-был на свете дурак. Долгое время он жил припеваючи, но понемногу стали доходить до него слухи, что он всюду слывет за безмозглого пошлеца. Смутился дурак и начал печалиться о том, как бы прекратить те неприятные слухи?

Внезапная мысль озарила, наконец, его темный умишко. И он, нимало не медля, привел ее в исполнение.

Встретился ему на улице знакомый – и принялся хвалить известного живописца.

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – Живописец этот давно сдан в архив. Вы этого не знаете? Я от вас этого не ожидал. Вы – отсталый человек.

Знакомый испугался и тотчас согласился с дураком.

– Какую прекрасную книгу я прочел сегодня! – говорил ему другой знакомый.

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – Как вам не стыдно?! Никуда эта книга не годится; все на нее давно махнули рукою. Вы этого не знаете? Вы – отсталый человек.

И этот знакомый испугался и согласился с дураком.

– Что за чудесный человек мой друг N. N.! – говорил дураку третий знакомый. – Вот истинно благородное существо!

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – N. N. – заведомый подлец! Родню всю ограбил. Кто ж этого не знает? Вы – отсталый человек!

Третий знакомый тоже испугался и согласился с дураком, отступился от друга.

И кого бы, что бы ни хвалили при дураке – у него на все была одна отповедь. Разве иногда прибавит с укоризной:

– А вы все еще верите в авторитеты?

– Злюка! Желчевик! – начинали толковать о дураке его знакомые. – Но какая голова!

– И какой язык! – прибавляли другие. – О, да он – талант!

Кончилось тем, что издатель одной газеты предложил дураку заведовать у него критическим отделом. И дурак стал критиковать все и всех, нисколько не меняя ни манеры своей, ни своих восклицаний. Теперь он, кричавший некогда против авторитетов, – сам авторитет, и юноши перед ним благоговеют и боятся его. Да и как им быть, бедным юношам? Хоть и не следует, вообще говоря, благоговеть... но тут, поди, не возблагоговей – в отсталые люди попадаешь!

Житье дуракам между трусами.

Проклятие

Я читал байроновского Манфреда... Когда я дошел до того места, где дух женщины, погубленной Манфредом, произносит над ним свое таинственное заклинание, я ощутил некоторый трепет.

Помните: «Да будут без сна твои ночи, да вечно ощущает твоя злая душа мое незримое неотвязное присутствие, да станет она своим собственным адом».

Но тут мне вспомнилось иное... Однажды, в России, я был свидетелем ожесточенной распри между двумя крестьянами, отцом и сыном.

Сын кончил тем, что нанес отцу нестерпимое оскорбление.

– Прокляни его, Васильич, прокляни окаянного! – закричала жена старика.

– Изволь, Петровна, – отвечал старик глухим голосом и широко перекрестился: – Пускай же и он дождетя сына, который на глазах своей матери плюнет отцу в его седую бороду!

Это проклятие показалось мне ужаснее манфредовского.

Сын раскрыл было рот, да пошатнулся на ногах, позеленел в лице – и вышел вон.

Воробей

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачужав перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой – и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса – и удалился, бла-

гоговя.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Последнее свидание

Мы были когда-то короткими, близкими друзьями... Но настал недобрый миг – и мы расстались, как враги.

Прошло много лет... И вот, заехав в город, где он жил, я узнал, что он безнадежно болен – и желает видеться со мною.

Я отправился к нему, вошел в его комнату... Взоры наши встретились.

Я едва узнал его. Боже! что с ним сделал недуг!

Желтый, высохший, с лысиной во всю голову, с узкой седой бородой, он сидел в одной, нарочно изрезанной рубашке... Он не мог сносить давление самого легкого платья. Порывисто протянул он мне страшно худую, словно обглоданную руку, усиленно прошептал несколько невнятных слов – привет ли то был, упрек ли, кто знает? Изможденная грудь заколыхалась – и на съёженные зрачки загоревшихся глаз скапались две скупые, страдальческие слезинки.

Сердце во мне упало... Я сел на стул возле него – и, опустив невольно взоры перед тем ужасом и безобразием, также протянул руку.

Но мне почудилось, что не его рука взялась за мою.

Мне почудилось, что между нами сидит высокая, тихая, белая женщина. Длинный покров облекает ее с ног до головы. Никуда не смотрят ее глубокие бледные глаза; ничего не говорят ее бледные строгие губы...

Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда примирила нас.

Да... Смерть нас примирила.

Цитаты

Если бы с молодостью уходило одно хорошее – то остальные возрасты человеческой жизни показались бы до того невыносимы, что всякий индивидуум перерезывал бы себе горло на тридцать втором году. Много дрязг плавают в шумных волнах молодости и уплывает с ними; а всё-таки лучше этих волн нет ничего.

* * *

Кто пожил, да не сделался снисходительным к другим, тот сам не заслуживает снисхождения.

* * *

Люди, избалованные в детстве, сохраняют особый отпечаток до конца жизни.

* * *

Музыка – это разум, воплощённый в прекрасных звуках.

* * *

О молодость! Молодость!.. Может быть, вся тайна твоей прелести состоит не в возможности всё сделать, а в возможности думать, что всё сделаешь.

* * *

Спорь с человеком умнее тебя: он тебя победит, но из самого твоего поражения ты можешь извлечь пользу для себя. Спорь с человеком ума равного: за кем бы ни оставалась победа, ты по крайней мере испытываешь удовольствие от борьбы. Спорь с человеком ума слабейшего: спорь не из желания победы, но ты можешь быть ему полезным. Спорь даже с глупцом! Ни славы ни выгоды ты не добудешь... Но отчего иногда не позабавиться!

* * *

Тайны человеческой жизни велики, а любовь – самая недоступная из этих тайн.

Да ведь известное дело: от плохого к хорошему никогда не идешь через лучшее, а всегда через худшее, – и яд в ме-

дицине бывает полезен.

* * *

Не ревнует тот, у кого нет хоть бы капли надежды.

* * *

Смешного бояться – правды не любить.

Лев Толстой

Апостол Иоанн и разбойник

После смерти Иисуса Христа ученики его разошлись по разным землям, делом и словом проповедуя его учение. Любимый ученик Христа, Иоанн, проповедовал в богатых торговых городах греческих. В одном городе, во время проповеди, увидел он в толпе молодого человека. Юноша слушал и глаз не спускал с говорившего. Апостол Иоанн после проповеди подозвал его к себе и долго говорил с ним. Увидел он, что юноша всей душой готов принять учение Христа, что душа у него горячая, но нет у него веры. «Ему нужен надежный друг и советник, – подумал Иоанн, – а то собьется он с доброго пути, пойдет за дурными людьми». Собрался апостол идти дальше на проповедь в другие места и, перед уходом, повел юношу к епископу и сказал ему:

– Я уйду, а ты позаботься о нем: укрепи его веру в Христа, охраняй его от всего дурного.

Епископ обещал, взял молодого человека к себе в дом, учил его и окрестил.

Окрестивши, епископ перестал о нем заботиться так, как заботился прежде; «Теперь уж он крещением спасен от всего дурного», – думал епископ. Молодой человек сошелся с

дурными товарищами, стал с ними пьянствовать, распутничать. Порой нападало на него будто раскаяние, но у него уже не было настоящей веры, чтобы оставить дурную жизнь. Для разгульной жизни нужны были деньги. Стал он их добывать всякой неправдой; и ушел он из города, и стал жить разбоем.

Он скоро прославился своей удалью, и разбойники выбрали его своим атаманом.

Вернулся апостол Иоанн с проповеди, пришел к епископу и спросил:

– А где то сокровище, которое ты взял на хранение?

Епископ сначала не понял, о чем спрашивает апостол; он подумал, что Иоанн его спрашивает о деньгах, которые жертвовались на бедных и больных.

– Не о деньгах спрашиваю я тебя, – сказал Иоанн, – а о душе брата. Я оставил у тебя юношу, где он?

– Он умер, – с грустью отвечал епископ.

– Когда умер? Какою смертью умер? – спросил апостол.

– Слепла его душа, и он стал злодеем, грабителем, душегубцем, – отвечал епископ.

Не ждал апостол такой вести; огорчился до слез и сказал епископу:

– Горе ему, горе и нам всем! Не был ты для него надежным другом и наставником, а то бы он не ушел от тебя: я знаю его молодую, горячую душу. А что сделал ты, чтобы вернуть его, чтобы спасти его?

Епископ молчал. Иоанн сказал бывшим при этом людям:

– Дайте мне скорее коня, покажите дорогу в горы.

Люди стали его отговаривать:

– Не езд, – от разбойников нет там никому ни прохода, ни проезда. Не губи себя, учитель.

Но Иоанн не стал их слушать, взял коня и собрался ехать. Стыдно стало людям отпустить старика одного; вызвалось несколько человек его проводить.

Поехали; въехали в лес, стали подниматься в гору. Подъем был крутой, ехать было трудно. Долго ехали так. Вот показалось впереди несколько разбойников. Люди испугались и бросились назад, а Иоанн пошел им навстречу. Разбойники схватили его. Удивились они, что он и не защищается, и пощады не просит.

– Ведите меня к вашему атаману, – сказал им Иоанн.

Разбойники повели старца к своему стану. Увидел атаман, что возвращаются товарищи, вышел к ним навстречу. Только взглянул на связанного человека, сейчас узнал Иоанна: побледнел, задрожал и бросился бежать. Иоанн стал его звать:

– Сын мой, остановись, выслушай меня!

Но разбойник не оборачивался и уходил все дальше и дальше в лес. Разбойники отступили от Иоанна, перестали его держать и понять не могли, чем мог этот слабый, безоружный старик так испугать их атамана.

Иоанн пошел за разбойником. Старик апостол так умирился от долгого пути, что едва мог идти, а молодой разбой-

ник не останавливался. От усталости и тревоги стали у Иоанна подкашиваться ноги. Он остановился, собрался с силами и в последний раз дрожащим голосом закричал разбойнику:

– Пожалей меня, сын мой! дальше не могу идти за тобой, приди ты ко мне. Зачем боишься меня, зачем перестал верить мне? Я – Иоанн; вспомни, как ты прежде любил и слушал меня!

Разбойник остановился, обернулся к Иоанну и стал его ждать. Иоанн подходил к нему, с трудом передвигая ноги, а разбойник стоял, ожидая его, и смотрел в землю. Вот подошел Иоанн, а разбойник все стоял, опустив голову.

Апостол молча положил ему руку на плечо. Задрожал разбойник, выронил из рук оружие и, рыдая, обнял учителя, прижался лицом к его груди.

– Я пришел за тобой, сын мой, – тихо сказал ему Иоанн. – Пойдем со мной в город к братьям.

– Не пойду, – отвечал разбойник, – оставь меня; я пропащий человек. Проклят я и богом, и людьми; некуда мне идти. Жить дольше, как жил – не могу; только и остается руки на себя наложить.

– Сын мой, не делай этого, не говори так! Жизнь наша во плоти есть воля бога; убить свою плоть значит идти против воли бога – искушать его. А помнишь, я рассказывал тебе о разбойнике, покаявшемся на кресте? В последнюю минуту жизни он получил блаженство.

– Люди не простят меня, не поверят, что я покаялся, и не

примут меня.

– Не бойся, сын мой, люди простят, когда бог простил, я умолю их не делать тебе никакого вреда, ты снова начнешь честную, трудовую жизнь и любовью к ним искупишь прежние преступления. Не медли, решайся скорее!

Так уговаривал Иоанн своего ученика, и поверил разбойник, и смягчилась душа его.

– Пойдем, учитель! – воскликнул он. – С тобою не страшна мне самая лютая казнь; веди меня куда хочешь, успокой мою измученную душу!

Оперся усталый старец на руку молодого разбойника, и пошли они к стану.

Простился атаман со своими товарищами, рассказал им о своей прошлой жизни, об Иоанне, уговаривал и их оставить разбой.

Возвратился Иоанн в город с разбойником и повел его в церковь. Поставил его апостол рядом с собой и сказал:

– Братья, вот тот, кого вы считали погибшим. Радуйтесь: брат наш вернулся к нам.

И убеждал Иоанн братию принять покаявшегося, и заключил свою речь словами притчи, сказанной спасителем: «Приведите откормленного тельца и заколите; станем есть и веселиться, ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся!» (Лук. 15: 23, 24)

Бродяжка непутевый

Из города донесся по воде гул и медное дрожание большого охотничьего колокола. Стоявший подле Нехлюдова ямщик и все подводчики одни за другими сняли шапки и перекрестились. Ближе же всех стоявший у перил невысокий лохматый старик, которого Нехлюдов сначала не заметил, не перекрестился, а, подняв голову, уставился на Нехлюдова. Старик этот был одет в заплатаанный озям, суконные штаны и разношенные, заплатаанные бродни. За плечами была небольшая сумка, на голове высокая меховая вытертая шапка.

– Ты что же, старый, не молишься? – сказал нехлюдовский ямщик, надев и оправив шапку. – Аль некрещеный?

– Кому молиться-то? – решительно, наступаяще и быстро выговаривая слог за слогом, сказал лохматый старик.

– Известно кому, Богу, – иронически проговорил ямщик.

– А ты покажи мне, игде он? Бог-то?

Что-то было такое серьезное и твердое в выражении старика, что ямщик, почувствовав, что он имеет дело с сильным человеком, несколько смутился, но не показывал этого и, стараясь не замолчать и не осрамиться перед прислушивающейся публикой, быстро отвечал:

– Игде? Известно – на небе.

– А ты был там?

– Был – не был, а все знают, что богу молиться надо.

– Бога никто же не видел нигде же. Единородный сын, сущий в недрах отчужденности, он явился, – строго хмурясь, той же скороговоркой сказал старик.

– Ты, видно, нехрист, дырник. Дыре молишься, – сказал ямщик, засовывая кнутовище за пояс и оправляя шлею на пристяжной.

Кто-то засмеялся.

– А ты какой, дедушка, веры? – спросил немолодой уже человек, с возом стоявший у края парома.

– Никакой веры у меня нет. Потому никому я, никому не верю, кроме себе, – так же быстро и решительно ответил старик.

– Да как же себе верить? – сказал Нехлюдов, вступая в разговор. – Можно ошибиться.

– Ни в жизнь, – тряхнув головой, решительно отвечал старик.

– Так отчего же разные веры есть? – спросил Нехлюдов.

– Оттого и разные веры, что людям верят, а себе не верят. И я людям верил и блудил, как в тайге; так заплутался, что не чаял выбраться. И староверы, и новоязычники, и субботники, и хлысты, и поповцы, и беспоповцы, и австрияки, и молокане, и скопцы. Всякая вера себя одна восхваляет. Вот все и расплодилось, как кутята слепые. Вер много, а дух один. И в тебе, и во мне, и в нем. Значит, верь всяк своему духу, и вот будут все соединены. Будь всяк сам себе, и все будет заедино.

Старик говорил громко и все оглядывался, очевидно желая, чтобы как можно больше людей слышали его.

– Что же, вы давно так исповедуете? – спросил его Нехлюдов.

– Я-то? Давно уж. Уж они меня двадцать третий год гонят.

– Как гонят?

– Как Христа гнали, так и меня гонят. Хватают да по судам, по попам – по книжникам, по фарисеям и водят; в сумасшедший дом сажали. Да ничего мне сделать нельзя, потому я слободен. «Как, говорят, тебя зовут?» Думают, я звание какое приму на себя. Да я не принимаю никакого. Я от всего отрекся: нет у меня ни имени, ни места, ни отечества, – ничего нет. Я сам себе. Зовут как? Человеком. «А годов сколько?» Я, говорю, не считаю, да и счесть нельзя, потому что я всегда был, всегда и буду. «Какого, говорят, ты отца, матери?» Нет, говорю, у меня ни отца, ни матери, кроме Бога и Земли. Бог – отец, Земля – мать. «А царя, говорят, признаешь?» Отчего не признавать? Он себе царь, а я себе царь. «Ну, говорят, с тобой разговаривать». Я говорю: я и не прошу тебя со мной разговаривать. Так и мучают.

– А куда же вы идете теперь? – спросил Нехлюдов.

– А куда Бог приведет. Работаю, а нет работы – прошу, – закончил старик, заметив, что паром подходит к тому берегу, и победоносно оглянулся на всех слушавших его.

Нехлюдов достал кошелек и предложил старику денег. Старик отказался.

– Я этого не беру. Хлеб беру, – сказал он.

– Ну, прощай.

– Нечего прощать. Ты меня не обидел. А и обидеть меня нельзя, – сказал старик и стал на плечо надевать снятую сумку.

– И охота вам, барин, разговаривать, – сказал ямщик Нехлюдову, когда он, дав на чай могучим паромщикам, влез на телегу. – Так, бродяжка непутевый.

В одной из камер ссыльных Нехлюдов, к удивлению своему, увидел того самого странного старика, которого он утром видел на пароме. Старик этот, лохматый и весь в морщинах, в одной грязной, пепельного цвета, прорванной на плече рубахе, таких же штанах, босой, сидел на полу подле нар и строго-вопросительно смотрел на вошедших. Изможденное тело его, видневшееся в дыры грязной рубахи, было жалко и слабо, но лицо его было еще больше сосредоточенно и серьезно оживленно, чем на пароме. Все арестанты, как и в других камерах, вскочили и вытянулись при входе начальства: старик же продолжал сидеть. Глаза его блестели, и брови гневно хмурились.

– Встать! – крикнул на него смотритель.

Старик не пошевелился и только презрительно улыбнулся.

– Перед тобой твои слуги стоят. А я не твой слуга. На тебе печать... – проговорил старик, указывая смотрителю на его лоб.

– Что-о-о? – угрожающе проговорил смотритель, надвигаясь на него.

– Я знаю этого человека, – поспешил сказать Нехлюдов смотрителю. – За что его взяли?

– Полиция прислала за бесписьменность. Мы просим не присылать, а они все шлют, – сказал смотритель, сердито косясь на старика.

– А ты, видно, тоже антихристова войска? – обратился старик к Нехлюдову.

– Нет, я посетитель, – сказал Нехлюдов.

– Что ж, пришли подивиться, как антихрист людей мучает? На вот, гляди. Забрал людей, запер в клетку войско целое. Люди должны в поте лица хлеб есть, а он их запер; как свиней, кормит без работы, чтоб они озверели.

– Что он говорит? – спросил англичанин.

Нехлюдов сказал, что старик осуждает смотрителя за то, что он держит в неволе людей.

– Как же, спросите, по его мнению, надо поступать с теми, которые не соблюдают закон? – сказал англичанин.

Нехлюдов перевел вопрос. Старик странно засмеялся, оскалив сплошные зубы.

– Закон! – повторил он презрительно. – Он прежде ограбил всех, всю землю, все богатство у людей отнял, под себя подобрал, всех побил, какие против него шли, а потом закон написал, чтобы не грабили да не убивали. Он бы прежде этот закон написал.

Нехлюдов перевел. Англичанин улыбнулся.

– Ну все-таки, как же поступать теперь с ворами и убийцами, спросите у него.

Нехлюдов опять перевел вопрос. Старик строго нахмурился.

– Скажи ему, чтобы он с себя антихристову печать снял, тогда и не будет у него ни воров, ни убийц. Так и скажи ему.

– He is crazy (Он полоумный (англ.)), – сказал англичанин, когда Нехлюдов перевел ему слова старика, и, пожав плечами, вышел из камеры.

– Ты делай свое, а их оставь. Всяк сам себе. Бог знает, кого казнить, кого миловать, а не мы знаем, – проговорил старик. – Будь сам себе начальником, тогда и начальников не нужно. Ступай, ступай, – прибавил он, сердито хмурясь и блестя глазами на медлившего в камере Нехлюдова. – Нагляделся, как антихристовы слуги людьми вшей кормят. Ступай, ступай!

Как чертенок краюшку выкупал

Выехал бедный мужик пахать, не завтракавши, и взял с собой из дома краюшку хлеба. Перевернул мужик соху, отвязал сволока, положил под куст; тут же положил краюшку хлеба и накрыл кафтаном. Уморилась лошадь, и проголодался мужик. Воткнул мужик соху, отпрег лошадь, пустил ее кормиться, а сам пошел к кафтану пообедать. Поднял мужик кафтан – нет краюшки; искал, искал, повертел кафтан, потряс – нет краюшки. Удивился мужик. «Чудное дело, – думает. – Не видал никого, а унес кто-то краюшку». А это чертенок, пока мужик пахал, утащил краюшку и сел за кустом послушать, как будет мужик ругаться и его, черта, поминать.

Потужил мужик.

– Ну, да, – говорит, – не умру с голоду! Видно, тому нужно было, кто ее унес. Пускай ест на здоровье!

И пошел мужик к колодцу, напился воды, отдохнул, поймал лошадь, запряг и стал опять пахать.

Смутился чертенок, что не навел мужика на грех, и пошел сказаться на большему черту. Явился к на большему и рассказал, как он у мужика краюшку унес, а мужик заместо того, чтобы выругаться, сказал: «На здоровье!» Рассердился на больший дьявол.

– Коли, – говорит, – мужик в этом деле верх над тобою взял, ты сам в этом виноват: не умел. Если, – говорит, – му-

жики, а за ними и бабы такую повадку возьмут, нам уж ни при чем и жить станет. Нельзя этого дела так оставить! Ступай, – говорит, – опять к мужику, заслужи эту краюшку. Если ты в три года сроку не возьмешь верха над мужиком, я тебя в святой воде выкупаю!

Испугался чертенок, побежал на землю, стал придумывать, как свою вину заслужить. Думал, думал и придумал. Обернулся чертенок добрым человеком и пошел к бедному мужику в работники. И научил он мужика в сухое лето посеять хлеб в болоте. Послушался мужик работника, посеял в болоте. У других мужиков все солнцем сожгло, а у бедного мужика вырос хлеб густой, высокий, колосистый. Прокормился мужик до нови, и осталось еще много хлеба. На лето научил работник мужика посеять хлеб на горах. И выпало дождливое лето. У людей хлеб повалился, попрел, и зерна не налило, а у мужика на горах обломный хлеб уродился. Осталось у мужика еще больше лишнего хлеба. И не знает мужик, что с ним делать.

И научил работник мужика затереть хлеб и вино курить. Накурил мужик вина, стал сам пить и других поить. Пришел чертенок к наибольшему и стал хвалиться, что заслужил краюшку. Пошел наибольший посмотреть.

Пришел к мужику, видит – созвал мужик богачей, вином их угощает. Подносит хозяйка вино гостям. Только стала обходить, зацепилась за стол, пролила стакан. Рассердился мужик, разбранил жену.

– Ишь, – говорит, – чертова дура! Разве это помои, что ты, косолапая, такое добро наземь льешь?

Толкнул чертенок набольшего локтем:

– Примечай, – говорит, – как он теперь не пожалеет краюшки.

Разбранил хозяин жену, стал сам подносить. Приходит с работы бедный мужик, незванный; поздоровался, присел, видит – люди вино пьют; захотелось и ему с устали винца выпить. Сидел-сидел, глотал-глотал слюни, – не поднес ему хозяин; только про себя пробормотал: «Разве на всех вас вина напасешься!»

Понравилось и это набольшему черту. А чертенок хвалится:

– Погоди, то ли еще будет.

Выпили богатые мужики, выпил и хозяин. Стали они все друг к дружке подольщаться: друг дружку хвалить и масляные облыжные речи говорить.

Послушал, послушал набольший, – похвалил и за это:

– Коли, – говорит, – от этого питья так лисить будут да друг дружку обманывать, они у нас все в руках будут.

– Погоди – говорит чертенок, – что дальше будет; дай они по другому стаканчику выпьют. Теперь они, как лисицы, друг перед дружкой хвостами виляют, друг дружку обмануть хотят, а погляди, сейчас как волки злые сделаются.

Выпили мужики по другому стаканчику, стала у них речь погромче и поглубе. Вместо масляных речей стали они ру-

гаться, стали друг на дружку обозляться, сцепились драться, исколупали друг дружке носы. Ввязался в драку и хозяин, избили и его.

Поглядел набольший, и понравилось ему и это.

– Это, – говорит, – хорошо.

А чертенок говорит:

– Погоди, то ли еще будет! Дай они выпьют по третьему. Теперь они как волки остервенились, а дай срок, по третьему выпьют, сейчас как свиньи сделаются.

Выпили мужики по третьему. Рассолодели совсем. Бормочут, кричат сами не знают что и друг дружку не слушают. Пошли расходиться – кто порознь, кто по двое, кто по трое, – повалились все по улицам. Вышел провожать гостей хозяин, упал носом в лужу, измазался весь, лежит, как боров, хрюкает.

Еще пуще понравилось это набольшему.

– Ну, – говорит, – хорошо питье ты выдумал, заслужил краюшку. Скажи ж ты мне, – говорит, – как ты это питье сделал? Не иначе ты сделал, как напустил туда сперва лисьей крови: от нее-то мужик хитрый, как лисица, сделался. А потом – волчьей крови: от нее-то он обозлился, как волк. А под конец подпустил ты, видно, свиной крови: от нее-то он свиньей стал.

– Нет, – говорит чертенок, – я не так сделал. Я ему всего только и сделал, что хлеба лишнего зародил. Она, эта кровь звериная, всегда в нем живет, да ей ходу нет, когда хлеба с

нужду рождается. Тогда он и последней краюшки не жалел, а как стали лишки от хлеба оставаться, стал он придумывать, как бы себя потешить. И научил я его потехе – вино пить. А как стал он Божий дар в вино курить для своей потехи, поднялась в нем и лисья, и волчья, и свиная кровь. Теперь только бы вино пил, всегда зверем будет.

Похвалил набольший чертенка, простил его за краюшку хлеба и у себя в старших поставил.

Карма

Панду, богатый ювелир браминской касты, ехал со своим слугой в Бенарес. Догнав по пути монаха почтенного вида, который шел по тому же направлению, он подумал сам с собой: «Этот монах имеет благородный и святой вид. Общение с добрыми людьми приносит счастье; если он также идет в Бенарес, я приглашу его ехать со мной в моей колеснице». И, поклонившись монаху, он спросил его, куда он идет, и, узнав, что монах, имя которого было Нарада, идет также в Бенарес, он пригласил его в свою колесницу.

– Благодарю вас за вашу доброту, – сказал монах брамину, – я действительно измучен продолжительным путешествием. Не имея собственности, я не могу вознаградить вас деньгами, но может случиться, что я буду в состоянии воздать вам каким-либо духовным сокровищем из богатства знания, которое я приобрел, следуя учению Шакьямуни, блаженного великого Будды, Учителя человечества.

Они поехали вместе в колеснице, и Панду дорогою слушал с удовольствием поучительные речи Нарады. Проехав один час, они подъехали к мосту, где дорога была размыта с обеих сторон и телега земледельца со сломанным колесом загоразивала путь.

Девала, владелец телеги, ехал в Бенарес, чтобы продать свой рис, и торопился поспеть до зари следующего утра. Ес-

ли бы он опоздал днем, покупатели риса могли уже уехать из города, скупив нужное им количество риса.

Когда ювелир увидал, что он не может продолжать путь, если телега земледельца не будет сдвинута, он рассердился и приказал Магадуге, рабу своему, сдвинуть телегу в сторону, так чтобы колесница могла проехать. Земледелец противился, потому что воз его лежал так близко к обрыву, что мог рассыпаться, если его тронуть, но брамин не хотел слушать земледельца и приказал своему слуге сбросить воз с рисом. Магадуга, необыкновенно сильный человек, находивший удовольствие в оскорблении людей, повиновался, прежде чем монах мог вступить, и сбросил воз. Когда Панду проехал и хотел продолжать свой путь, монах выскочил из его колесницы и сказал:

– Извините меня, господин, за то, что я покидаю вас. Благодарю вас за то, что вы по своей доброте позволили мне проехать один час в вашей колеснице. Я был измучен, когда вы посадили меня, но теперь благодаря вашей любезности я отдохнул. Признав же в этом земледельце воплощение одного из ваших предков, я не могу ничем лучше вознаградить вас за вашу доброту, как тем, чтобы помочь ему в его несчастье.

Брамин взглянул с удивлением на монаха.

– Вы говорите, что этот земледелец есть воплощение одного из моих предков; этого не может быть.

– Я знаю, – отвечал монах, – что вам неизвестны те слож-

ные и значительные связи, которые соединяют вас с судьбою этого земледельца. Но от слепого нельзя ожидать того, чтобы он видел, и потому я сожалею о том, что вы вредите сами себе, и постараюсь защитить вас от тех ран, которые вы собираетесь нанести себе.

Богатый купец не привык к тому, чтобы его укоряли; чувствуя же, что слова монаха, хотя и сказанные с большой добротой, содержали в себе язвительный упрек, он приказал слуге своему тотчас же ехать далее.

Монах поздоровался с Девалой-земледельцем и стал помогать ему в починке его телеги и в том, чтобы подобрать рассыпавшийся рис. Дело шло быстро, и Девала подумал: «Этот монах, должно быть, святой человек, – ему как будто помогают невидимые духи. Спрошу его, чем я заслужил жестокое со мной обращение гордого брамина».

И он сказал:

– Почтенный господин! Не можете ли вы сказать мне, за что я потерпел несправедливость от человека, которому я никогда не сделал ничего худого?

Монах сказал:

– Любезный друг, вы не потерпели несправедливости, но только потерпели в теперешнем существовании то, что вы совершили над этим брамином в прежней жизни. И я не ошибусь, сказавши, что даже и теперь вы бы сделали над брамином то же самое, что он сделал с вами, если бы были на его месте и имели такого сильного слугу.

Земледелец признался, что, если бы он имел власть, то не раскаялся бы, поступив с другим человеком, загородившим ему дорогу, так же, как брамин поступил с ним.

Рис был убран в воз, и монах с земледельцем приближались уже к Бенаресу, когда лошадь вдруг шарахнулась в сторону.

– Змея, змея! – воскликнул земледелец.

Но монах, пристально взглянув на предмет, испугавший лошадь, соскочил с телеги и увидел, что это был кошелек, полный золота. «Никто, кроме богатого ювелира, не мог потерять этот кошелек», – подумал он и, взяв кошелек, подал его земледельцу, сказав:

– Возьмите этот кошелек и, когда будете в Бенаресе, подъезжайте к гостинице, которую я укажу вам, спросите брамина Панду и отдайте кошелек. Он будет извиняться перед вами за грубость своего поступка, но вы скажите ему, что вы простили его и желаете ему успеха во всех его предприятиях, потому что, верьте мне, чем больше будут его успехи, тем лучше это будет для вас. Ваша судьба во многом зависит от его судьбы. Если бы Панду спросил у вас объяснений, то пошлите его в монастырь, где он всегда найдет меня в готовности помочь ему советом, если совет нужен ему.

Панду между тем приехал в Бенарес и встретил Малмеку, своего торгового приятеля, богатого банкира.

– Я погиб, – сказал Малмека, – и не могу делать никаких дел, если нынче же не куплю воз лучшего риса для царской

кухни. Есть в Бенаресе мой враг банкир, который, узнав то, что я сделал условие с царским дворецким о том, что я доставлю ему сегодня утром воз риса, желая погубить меня, скупил весь рис в Бенаресе. Царский дворецкий не освобождает меня от условия, и завтра я пропал, если Кришна не пошлет мне ангела с неба.

В то время как Малмека жаловался на свое несчастье Панду хватился своего кошелька. Обыскав свою колесницу и не найдя его, он заподозрил своего раба Магадуту и призвал полицейских, обвинил его и, велев привязать его, жестоко мучил, чтобы вынудить от него признание. Раб кричал, страдая:

– Я невиновен, отпустите меня! Я не могу переносить этих мук! Я совершенно невинен в этом преступлении и страдаю за грехи других! О, если бы я мог выпросить прощение у того земледельца, которому я сделал зло ради моего хозяина! Мучения эти, верно, служат наказанием за мою жестокость.

В то время как полицейские еще продолжали бить раба, земледелец подъехал к гостинице и, к великому удивлению всех, подал кошелек. Раба тотчас же освободили из рук его мучителей, но, будучи недоволен своим хозяином, он убежал от него и присоединился к шайке разбойников, живших в горах. Когда же Малмека услышал, что земледелец может продать самого лучшего рису, годного для царского стола, он тотчас же купил весь воз за тройную цену, а Панду, радуясь в сердце своем возвращению денег, тотчас же поспешил в монастырь, чтобы получить от монаха те объяснения, которые

он обещал ему.

Нарада сказал:

– Я бы мог дать вам объяснение, но, зная, что вы неспособны понять духовную истину, я предпочитаю молчание. Однако я дам вам общий совет: обращайтесь с каждым человеком, которого вы встретите, так же, как с самим собой, служите ему так же, как вы желали бы, чтобы вам служили. Таким образом, вы посеете семя добрых дел, и богатая жатва их не минует вас.

– О, монах! дайте мне объяснение, – сказал Панду, и мне легче будет следовать вашему совету.

И монах сказал:

– Слушайте же, я дам вам ключ к тайне: если вы и не поймете ее, верьте тому, что я скажу вам. Считать себя отдельным существом есть обман, и тот, кто направляет свой ум на то, чтобы исполнять волю этого отдельного существа, следует за ложным советом, который приведет его в бездну греха. То, что мы считаем себя отдельными существами, происходит оттого, что покрывало Майи ослепляет наши глаза и мешает нам видеть неразрывную связь с нашими ближними, мешает нам проследить наше единство с душами других существ. Немногие знают эту истину. Пусть следующие слова будут вашим талисманом:

«Тот, кто вредит другим, делает зло себе. Тот, кто помогает другим, делает добро себе. Перестаньте считать себя отдельным существом – и вы вступите на путь Истины. Для

того, чье зрение омрачено покрывалом Майи, весь мир кажется разрезанным на бесчисленные личности. И такой человек не может понимать значения всеобъемлющей любви ко всему живому».

Панду отвечал:

– Ваши слова, почтенный господин, имеют глубокое значение, и я запомню их. Я сделал небольшое добро, которое мне ничего не стоило, для бедного монаха во время моей поездки в Бенарес, и вот как благодетельны оказались его последствия. Я много обязан вам, потому что без вас я не только потерял бы свой кошелек, но не мог бы делать в Бенаресе тех торговых дел, которые значительно увеличили мое состояние. Кроме того, ваша заботливость и прибытие воза риса содействовали благосостоянию моего друга Малмеки. Если бы все люди познали истину ваших правил, насколько лучше бы был наш мир, как уменьшилось бы зло в нем и возвысилось общее благосостояние! Я желал бы, чтобы Истина Будды была понята всеми, и потому я хочу основать монастырь на моей родине, Колшамби и приглашаю вас посетить меня с тем, чтобы я мог посвятить это место для братства учеников Будды.

Прошли годы, и основанный Панду монастырь Колшамби сделался местом собрания мудрых монахов и стал известным как центр просвещения для народа.

В это время соседний царь, услышав о красоте драгоценных крашений, приготовляемых Панду, послал к нему свое-

го казначея, чтобы заказать корону из чистого золота, украшенную самыми драгоценными камнями Индии.

Когда Панду окончил эту работу, он поехал в столицу царя и, надеясь делать там торговые дела, взял с собой большой запас золота. Караван, везший его драгоценности, был охраняем вооруженными людьми, но когда он достиг гор, то разбойники, с Магадудой, ставшим атаманом их, во главе, напали на него, побили охрану и захватили все драгоценные камни и золото. Сам Панду едва спасся. Это несчастье было большим ударом для благосостояния Панду: богатство его значительно уменьшилось.

Панду был очень огорчен, но переносил свои личные несчастья без ропота; он думал: «Я заслужил эти потери грехами, совершенными мною в моей прошлой жизни. Я в молодости был жесток с народом; и если я теперь пожинаю плоды своих дурных дел, то мне нельзя жаловаться».

Так как он стал много добрее ко всем существам, то несчастья его послужили только к очищению его сердца.

Опять прошли годы, и случилось, что Пантака, молодой монах и ученик Нарады, путешествуя в горах Колшамби, попал в руки разбойников. Так как у него не было никакой собственности, атаман разбойников крепко избил его и отпустил.

На следующее утро Пантака, идя через лес, услышал шум битвы и, придя на этот шум, увидел много разбойников, которые с бешенством нападали на своего атамана Магадуду.

Магадута, как лев, окруженный собаками, отбивался от них и убил многих из нападавших. Но врагов его было слишком много, и под конец он был побежден и упал на землю мертвым, покрытый ранами.

Как только разбойники ушли, молодой монах подошел к лежавшим, желая подать помощь раненым. Но все разбойники были уже мертвы, только в начальнике их оставалось немного жизни. Монах тотчас же направился к ручейку, бежавшему невдалеке, принес свежей воды в своем кувшине и подал умирающему.

Магадута открыл глаза и, скрипя зубами, сказал:

– Где эти неблагодарные собаки, которых я столько раз водил к победе и успеху? Без меня они скоро погибнут, как затравленные охотником шакалы.

– Не думайте о ваших товарищах и участниках вашей грешной жизни, – сказал Пантака, – но подумайте о вашей душе и воспользуйтесь в последний час возможностью спасенья, которая предоставляется вам. Вот вам вода для питья, дайте я перевяжу ваши раны. Может быть, мне и удастся спасти вашу жизнь.

– Это бесполезно, – отвечал Магадута, – я приговорен; негодяи смертельно ранили меня. Неблагодарные подлецы! Они били меня теми ударами, которым я научил их.

– Вы пожинаете то, что посеяли, – продолжал монах. – Если бы вы учили своих товарищей делам добра, вы бы и получили от них добрые поступки. Но вы учили их убийству,

и потому вы через свои дела убиты их рукою.

– Ваша правда, – отвечал атаман разбойников, – я заслужил свою участь, но как тяжел мой жребий тем, что я должен пожать плод всех моих дурных дел в будущих существованиях. Научите меня, святой отец, что я могу сделать, чтобы облегчить мою жизнь от грехов, которые давят меня, как скала, наваленная мне на грудь.

И Пантака сказал:

– Искорените ваши грешные желания, уничтожьте злые страсти и наполните свою душу доброю ко всем существам.

Атаман сказал:

– Я делал много зла и не делал добра. Как могу я выпутаться из той сети горя, которую я связал из злых желаний моего сердца? Моя карма повлечет меня в Ад, я никогда не буду в состоянии вступить на путь спасения.

И монах сказал:

– Да, ваша карма пожнет в будущих воплощениях плоды тех семян, которые вы посеяли. Для делателя дурных дел нет избавления от последствий своих дурных поступков. Но не отчаивайтесь: всякий человек может спастись, но только с тем условием, чтобы он искоренил из себя заблуждение личности. Как пример этого, я расскажу вам историю великого разбойника Кандаты, который умер нераскаянным и вновь родился дьяволом в Аду, где он мучился за свои дурные дела самыми ужасными страданиями. Он был уже в Аду много

лет и не мог избавиться от своего бедственного положения, когда Будда явился на земле и достиг блаженного состояния просветления. В это достопамятное время луч света попал и в Ад, возбудив во всех демонах жизнь и надежду, и разбойник Кандата громко закричал: «О Будда блаженный, сжался надо мной! Я страшно страдаю; и хотя я делал зло, я желаю теперь идти по пути праведности. Но я не могу выпутаться из сети горя; помоги мне, господи, сжался надо мной!» Закон кармы таков, что злые дела ведут к гибели.

Когда Будда услышал просьбу страдающего в Аду демона, он послал к нему паука на паутине, и паук сказал: «Схватись за мою паутину и вылезай по ней из Ада». Когда паук исчез из вида, Кандата схватился за паутину и стал вылезать по ней. Паутина была так крепка, что не обрывалась, и он поднимался по ней все выше и выше.

Вдруг он почувствовал, что нить стала дрожать и колебаться, потому что за ним начали лезть по паутине и другие страдальцы. Кандата испугался; он видел тонкость паутины и видел, что она растягивается от увеличившейся тяжести. Но паутина все еще держала его. Кандата перед этим смотрел только вверх, теперь же он посмотрел вниз и увидел, что за ним лезла по паутине бесчисленная толпа жителей Ада. «Как может эта тонкая нить вынести тяжесть всех этих людей», – подумал он и, испугавшись, громко закричал: «Пустите паутину, она моя!» И вдруг паутина оборвалась, и Кандата упал назад в Ад. Заблуждение личности еще жи-

ло в Кандате. Он не знал чудесной силы искреннего стремления вверх для того, чтобы вступить на путь праведности. Стремление это тонко, как паутина, но оно поднимет миллионы людей, и чем больше будет людей лезть по паутине, тем легче будет каждому из них. Но как только в сердце человека возникнет мысль, что паутина эта моя, что благо праведности принадлежит мне одному и что пусть никто не разделяет его со мной, то нить обрывается, и ты падаешь назад в свое прежнее состояние отдельной личности; отдельность же личности есть проклятие, а единение есть благословение. Что такое Ад? Ад есть не что иное, как себялюбие, а нирвана есть жизнь общая...

– Дайте же мне ухватиться за паутину, – сказал умирающий атаман разбойников Магадута, когда монах кончил свой рассказ, – и я выберусь из пучины Ада.

Магадута пробыл несколько минут в молчании, собираясь с мыслями, потом он продолжил:

– Выслушайте меня, я признаюсь вам. Я был слугою у Панду, ювелира из Колшамби. Но после того как он несправедливо истязал меня, я убежал от него и стал атамном разбойников. Несколько времени тому назад я узнал от моих разведчиков, что он проезжает через горы, и я ограбил его, отнял у него большую часть его состояния. Пойдите теперь к нему и скажите ему, что я простил его от всего сердца за оскорбление, которое он несправедливо нанес мне, и прошу его простить меня за то, что я ограбил его. Когда я жил с

ним, сердце его было жестоко как камень, и я научился от него себялюбию. Я слышал, что он теперь стал добродушен и что на него указывают, как на образец доброты и справедливости. Я не хочу оставаться в долгу у него; поэтому скажите ему, что я сохранил золотую корону, которую он сделал для царя, и все его сокровища и спрятал их в подземелье. Только два разбойника знали это место, и теперь они оба мертвые; пусть Панду возьмет с собою вооруженных людей и придет к этому месту и возьмет назад ту собственность, которой я лишил его.

После этого Магадута рассказал, где было подземелье, и умер на руках Пантаки.

Как скоро молодой монах Пантака вернулся в Колшамби, он пошел к ювелиру и рассказал ему обо всем, что случилось в лесу.

И Панду пошел с вооруженными людьми к подземелью, и взял из него все сокровища, которые атаман спрятал в нем. И они с почестью похоронили атамана и его убитых товарищей, и Пантака над могилой, рассуждая о словах Будды, сказал следующее:

«Личность делает зло, личность же и страдает от него. Личность воздерживается от зла, и личность очищается. Чистота и нечистота принадлежат личности: никто не может очистить другого. Человек сам должен сделать усилие; Будды только проповедники».

«Наша карма, – сказал еще монах Пантака, – не есть про-

изведение Шивары, или Брахмы, или Индры, или какого-нибудь из богов, – наша карма есть следствие наших поступков.

Моя деятельность есть утроба, которая носит меня, есть наследство, которое достается мне, есть проклятие моих злых дел и благословение моей праведности. Моя деятельность есть единственное средство моего спасения».

Панду привез назад в Колшамби все свои сокровища, и, с умеренностью пользуясь своим столь неожиданно возвращенным богатством, он спокойно и счастливо прожил свою остальную жизнь, и когда он умирал, уже в преклонных годах, и все его сыновья, дочери и внуки собрались около него, он сказал им:

– Милые дети, не осуждайте других в своих неудачах. Ищите причины ваших бед в самих себе. И если вы не ослеплены тщеславием, вы найдете ее, а найдя ее, вы сумеете избавиться от зла. Лекарство ваших бед в вас самих. Пусть ваш умственный взор никогда не покрывается покровом Майи... Помните те слова, которые были талисманом моей жизни:

«Тот, кто делает больно другому, делает зло себе. Тот, кто помогает другому, помогает себе. Пусть исчезнет обман личности – и вы вступите на путь праведности».

Кающийся грешник

Жил на свете человек 70 лет, и прожил он всю жизнь в грехах. И заболел этот человек, и не каялся. И когда пришла смерть, в последний час заплакал он и сказал: «Господи! как разбойнику на кресте, прости мне!» Только успел сказать – вышла душа. И возлюбила душа грешника Бога, и поверила в милость Его, и пришла к дверям рая. И стал стучаться грешник, и проситься в царство небесное. И услышал он голос из-за двери:

– Какой человек стучится в двери райские? И какие дела совершил человек этот в жизни своей?

И отвечал голос обличителя, и перечислил все грешные дела человека этого, и не назвал добрых дел никаких. И отвечал голос из-за двери:

– Не могут грешники войти в царство небесное. Отойди отсюда.

И сказал человек:

– Господи! Голос твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю.

И ответил голос:

– Я – Петр-апостол.

И сказал грешник:

– Пожалей меня, Петр-апостол, вспомни слабость человеческую и милость Божию. Не ты ли был ученик Христов, не

ты ли из самих уст Его слышал учение Его и видел пример жизни Его? А вспомни, когда Он тосковал и скорбел душою и три раза просил тебя не спать, а молиться. И ты спал, потому глаза твои отяжелели, и три раза Он застал тебя спящим. Так же и я. А вспомни еще, как обещал Ему Самому до смерти не отречься от Него и как ты три раза отрекся от Него, когда повели Его к Каиафе. Так же и я. И вспомни еще, как запел петух и ты вышел вон и заплакал горько. Так же и я. Нельзя тебе не впустить меня.

И затих голос за дверьми райскими. И, постояв недолго, опять стучаться грешник стал и проситься в царство небесное. И слышался из-за дверей другой голос и сказал:

– Кто человек этот? И как жил он на свете?

И отвечал голос обличителя, и опять повторил все худые дела грешника, и не назвал добрых дел никаких. И отвечал голос из-за двери:

– Отойди отсюда: не могут такие грешники жить с нами вместе в раю.

И сказал грешник:

– Господи, голос твой слышу, но лица твоего не вижу и имени твоего не знаю.

И сказал ему голос:

– Я – царь и пророк Давид.

И не отчаялся грешник, не отошел от двери рая и стал говорить:

– Пожалей меня, царь Давид, и вспомни слабость челове-

ческую и милость Божию. Бог любил тебя и возвеличил пред людьми. Все было у тебя: и царство, и слава, и богатство, и жены, и дети, и увидел ты с крыши жену бедного человека, и грех вошел в тебя, и взял ты жену Урия, и убил его самого мечом амонитян. Ты, богач, отнял у бедного последнюю овечку и погубил его самого. То же делал и я. И вспомни потом, как ты покаялся и говорил: «Я сознаю вину свою и сокрушаюсь о грехе своем». Так же и я. Нельзя тебе не впустить меня.

И затих голос за дверьми. И, постояв недолго, опять стал стучаться грешник и проситься в царство небесное. И послышался из-за дверей третий голос и сказал:

– Кто человек этот? И как прожил он на свете?

И отвечал голос обличителя, и в третий раз перечислил худые дела человека, и не назвал добрых. И отвечал голос из-за двери:

– Отойди отсюда: не могут грешники войти в царство небесное.

И отвечал грешник:

– Голос твой слышу, но лица не вижу и имени твоего не знаю.

И отвечал голос:

– Я – Иоанн Богослов, любимый ученик Христа.

И обрадовался грешник и сказал:

– Теперь нельзя не впустить меня! Петр и Давид впустят меня за то, что они знают слабость человеческую и милость

Божию. А ты вступишь меня потому, что в тебе любви много. Не ты ли, Иоанн Богослов, написал в книге своей, что Бог есть любовь и что кто не любит, тот не знает Бога? Не ты ли при старости говорил людям одно слово: «Братья, любите друг друга!» Как же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Или отрекись от того, что сказал ты сам, или полюби меня и вступи в царство небесное.

И отворились врата райские, и обнял Иоанн кающегося грешника и впустил его в царство небесное.

Потерянная жемчужина

Человек уронил дорогой жемчуг в море и, чтобы достать его, стал черпать ковшом воду. Морской дух вышел и спросил:

– Скоро ли ты перестанешь?

Человек сказал:

– Когда вычерпаю море и достану жемчужину.

Тогда морской дух вынес ему жемчужину.

Равное наследство

У одного купца было два сына. Старший был любимец отца, и отец все свое наследство хотел отдать ему. Мать жалела меньшого сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьям, как их разделят: она хотела как-нибудь сравнять двух сыновей. Купец ее послушал и не объявлял своего решения.

Один раз мать сидела у окна и плакала; к окну подошел странник и спросил, о чем она плачет? Она сказала:

– Как мне не плакать: оба сына мне равны, а отец хочет одному сыну все отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего решения сыновьям, пока я не придумаю, как помочь меньшому. Но денег у меня своих нет, и я не знаю, как помочь горю.

Странник сказал:

– Твоему горю легко помочь; поди объяви сыновьям, что старшему достанется все богатство, а меньшому ничего; и у них будет поровну.

Меньшой сын, как узнал, что у него ничего не будет, ушел в чужие страны и выучился мастерствам и наукам, а старший жил при отце и ничему не учился, потому что знал, что будет богат.

Когда отец умер, старший ничего не умел делать, прожил все свое имение, а младший выучился наживать на чужой

стороне и стал богат.

Разрушение ада и восстановление его

Это было в то время, когда Христос открывал людям свое учение.

Учение это было так ясно и следование ему было так легко и так очевидно избавляло людей от зла, что нельзя было не принять его, и ничто не могло удержать его распространения по всему свету. И Вельзевул, отец и повелитель всех дьяволов, был встревожен. Он ясно видел, что власть его над людьми кончится навсегда, если только Христос не отречется от своей проповеди. Он был встревожен, но не унывал и подстрекал покорных ему фарисеев и книжников как можно сильнее оскорблять и мучить Христа, а ученикам Христа советовал бежать и оставить его одного. Он надеялся, что приговор к позорной казни, поругания, оставление его всеми учениками и, наконец, самые страдания и казнь сделают то, что Христос в последнюю минуту отречется от своего учения. А отречение уничтожит всю силу учения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.